

О ВЫСОКОСОВЕ М. П. — в ПКК

ВЫСОКОСОВ Михаил Павлович, родился в 1882 в Тверской губ. Окончил кадетский корпус, в 1902 — Морской кадетский корпус. С 1902 — служил во флоте, позднее капитан II ранга, с 1908 — на административных должностях. В 1918 — подал в отставку, служил в Морском комиссариате. Женат на Александре Николаевне Высокосовой, в семье — сын Павел. В июне 1920 — арестован, в ноябре по ходатайству юридического отдела Московского Политического Красного Креста освобожден с возвратом на службу в Морском комиссариате; служил ученым секретарем в Морском комитете. В августе 1921 — вновь арестован и заключен в Ярославскую тюрьму (в числе 300 военморов); допросам не подвергался, обвинение не предъявлялось. В декабре освобожден; вернулся на работу в Морской комиссариат; С марта 1923 — работал управляющим канцелярией Ленинградской конторы Союза строителей в Кондопоге. 10 июня 1927 — вновь арестован, приговорен к 3 годам ссылки и в сентябре 1928 — отправлен в село Илимское под Тулуном¹.

ВЫСОКОСОВА Александра Николаевна, родилась в 1892 в Санкт-Петербурге. Получила высшее медицинское образование, работала врачом в двух больницах Ленинграда. Вышла замуж за Михаила Павловича Высокосова, в семье — сын Павел.

В марте 1928 — в Помполит обратился с ходатайством за Михаила Павловича Высокосова известный революционер Н. А. Морозов.

<7 марта 1928>

«Госуд<арственный> Научн<ый> Институт им. Лесгафта
Просп<ект> Маклина 32. <Ленинград>

Дорогой Сергей Порфирьевич²,

давно Вас не видал, а очень хотелось бы. Всю неделю был болен, а теперь больна Ксана. Надеемся, что хоть Вы, по крайней мере, здоровы.

Пожалуйста, дайте должное направление ходатайству подательницы д<окто>ра Высоковой о ее муже, если Вы все еще принимаете деятельное участие в этих делах, а если нет, то научите ее, что надо делать.

Не будете ли как-нибудь в наших краях? Тогда не забудьте навестить. Очень хотелось бы повидаться.

С приветом от нас обоих.

Н. Морозов»³.

На письме — три пометы:

«Высоков Мих<аил> Павл<ович>. Тулун, Илимск».

«58, п<ункт> 5».

«Освоб<ожден>».

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 252. С. 361-362.

² Сергей Порфирьевич Швецов, родился в 1858 в Курске. Экономист, статистик, этнограф, публицист, общественный деятель. Учился в гимназии в Архангельске и Петербургском учительском институте. Рано вступил в революционное движение, член партии эсеров, до революции арестовывался и высылался. С начала 1918 — от политической деятельности отошел, занимался научной и преподавательской деятельностью. С марта 1924 — член Ленинградского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, В 1930 — скончался в Ленинграде.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 270. С. 305. Автограф.

1 марта 1929 — благодаря ходатайству Е. П. Пешковой освобожден досрочно с разрешением свободного проживания, вернулся в Ленинград⁴, с мая работал референтом-переводчиком в Научно-техническом комитете Морского комиссариата. В марте 1933 — в получении паспорта было отказано, выслан из Ленинграда; выехал в Торжок. В апреле 1933 — обратился за помощью в Помполит.

<23 апреля 1933>

«15 марта 1933 г<ода> Центральная комиссия Смольнинского Района отказала мне в выдаче паспорта. Для рассмотрения мною было представлено заявление, которое было дополнено словесными объяснениями, и сущность заключалась в следующем: я упоминал, что знаю из газет существующие распоряжения о паспортах, а также, что я читал речь тов<арища> Енукидзе по этому поводу. Напечатанное в газетах, казалось бы, не должно было повлечь за собой моего выселения. Тов<арищ> Енукидзе в основу речи кладет два положения — паспортизация не преследует каких-либо репрессивных мер и не угрожает не только коренным жителям города, к каковым я должен причислить себя, живущего в Ленинграде около 35 лет, а даже постоянным жителям; причислять же себя к какой-либо злостной категории, указанной в речи, я категорически отказываюсь. Касательно вопросов привлекаемости меня по ГПУ, я сообщил следующее: привлекался я три раза: первый раз в 1920 году — никакого обвинения мне предъявлено не было, не имел ни одного допроса и через пять месяцев был освобожден с возвратом на старую службу в Морском Комиссариате.

Второй раз был арестован в августе 1921 г<ода> в числе 300 морских офицеров; был выслан в Ярославскую тюрьму; просидел там месяцев пять, не имел ни одного допроса, обвинения не предъявлялось. По освобождении вернулся на старое место в Морском Комиссариате, получив за пять месяцев назад паек на всю семью, что тогда было очень важно.

Третий раз — был арестован в 1927 году, будучи снят со службы в Кондопожском Строительстве, где 4 года управлял канцелярией Ленинградской Конторы. Обвинения не предъявлялось: имел единственный, длившийся 8-10 минут допрос; был выслан в Сибирь на 3 года по статье 58. Оттуда я написал совершенно откровенное письмо в Политический Красный Крест; в результате дело было пересмотрено и, минуя обычные последствия высылки по ст<атье> 58, т<о> е<сть> после 3-х лет Сибири обычных 3 года минули и часто после этого еще 3 года минус 2 или 3, я был освобожден совершенно вчистую, пробыв в изоляции примерно полтора года, с разрешением свободного проживания по Союзу. После этого 31 марта 1929 года я вернулся в Ленинград, где и жил до настоящего времени. Тут начались мои мытарства: через 3-5 дней по возвращении старая служба — Кондопожское строительство пригласило меня вновь на службу, которая ограничилась получасом. Местком срочно отвел меня как “дворянина, бывшего офицера и т<ак> д<алее> — таким людям не место на стройке” — так гласила резолюция.

За время моего отсутствия, которое я считаю ничем не вызванным с моей стороны и подтверждением чего я видел то, что был освобожден вчистую, произошло мое механическое выбытие из Союза, в котором я был 4 года, и вот для меня создался заколдованный круг — никакая служба не принимает бессюжных. Союз принимает только состоящих на службе, Биржа берет только союзных, — как видите, положение безвыходное, и тогда я обратился к прокурору ГПУ, кажется, тов<арищу>

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 361. С. 373-384.

Владимирову; он меня принял, очень любезно выслушал, где-то навел тут же при мне справку и сказал, что ГПУ ничего общего со мной не имеет, что ходатайствовать о моих восстановлениях оно не может, но, как не имеющее ко мне никакого касания, не будет препятствовать моему устройству на службу. Дальнейшие попытки поступить на службу были также тщетны — нет Союза, нет Биржи. В это время, в мае 1929 года, мне предложили работать в Морском Комиссариате; мне поручили следить за иностранной и русской литературой по артиллерии и по минно-торпедному делу, излагая кратко нужные специалистам статьи, что давало возможность, не теряя время на чтение самих статей, следить за состоянием, наличием и развитием артиллерии и минного дела за границей, следя также одновременно и за ходом военного мышления за рубежом.

Работу эту я исполняю и до сих пор, имея основания полагать, что она признается полезной и нужной, ибо написанные мною краткие рефераты-аннотации размножаются в нескольких экземплярах и рассылаются по соответствующим учреждениям, а также в те пункты, где иностранная литература, можно сказать, отсутствует. Уместно заметить, что, т<аким> о<бразом>, получая вознаграждение за работу в одном учреждении, фактически я обслуживаю 6. В конце 1932 г<ода> Научно-Технический Комитет Морских Сил, в котором я работал, был реорганизован, и из него вылился Научно-Исследовательский Арт<иллерийский> Институт, который пригласил меня к себе на службу на должность Заведующего Технической Библиотекой. Я сначала отказывался и согласился подать заявление и анкету только в том случае, если новый начальник Института согласится предварительно меня выслушать. Он меня принял, и я ему подробно рассказал все то, что мной написано раньше; он не счел мои приводы по ГПУ препятствием к службе, после чего я подал заявление и анкету. Однако, мои предположения оправдались, я не был пропущен, и через длительный промежуток времени мне было отказано в приеме. Тогда я спросил, могу ли продолжать работать по аннотированию, на что получил утвердительный ответ. В дальнейшем я был извещен, что работы мои по Институту надо считать законченными, и что письменных договоров и сношений Институт со мной иметь не будет, но что работы мои, совершенно как и прежде, я могу представлять и что таковые будут приниматься и оплачиваться по установленной сдельной расценке. Конечно, я очутился в очень странном положении и не знал и не знаю до сих пор, как я должен поступать в будущем; я сильно опасаясь, что, если я прекращу работы, которые вел четыре года, то это может рассматриваться как умышленное нежелание продолжать информировать наших спецов, тем более, что я знаю, что лиц, которые могли бы выполнить эту работу в настоящее время найти затруднительно; те спецы, которые знают основательно и артиллерию и языки слишком перегружены и заняться этим делом не могут, т<ак> к<ак> оно исключительно кропотливо и соединено с не слишком высоким денежным вознаграждением — за 32 год я заработал не много более 2.000 р<ублей>. Пока, т<о> е<сть> с февраля я продолжаю, однако, аннотирование по прежнему. Затем я указал Комиссии, что живу в одной комнате с моей женой, врачом двух учреждений, с сыном машинистом, студент<ом> Техникума, и матерью моей жены, которой под 70 л<ет>. Вся моя семья паспорта получила. Кроме того, я высказал Комиссии, что причисляю себя к специалистам, полагая, что специальность моя, однако, может быть использована только в Ленинграде и, конечно, она совершенно не приложима где бы я ни находился вне Ленинграда, и, таким образом, использование меня там, где я буду жить в качестве конторского служащего, едва ли можно рассматривать как рентабельное

для Союза. Кроме того, мне пришлось указать в моем письменном заявлении на одну странность: в Комиссии на Паспортном пункте мне был задан вопрос: “родственник ли вам Столыпин”, на это я ответил следующее: заданный вопрос я не могу считать случайным, ибо совершенно такой же мне задавался при единственном в моей жизни допросе в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> в июне-июле 1927 г<ода>. Я теперь отвечу на него то же самое, что отвечал и тогда, а именно, что я ни в каком родстве со Столыпиным не состою, не был с ним знаком и даже никогда не видал, но, сопоставляя однородные вопросы, а также то обстоятельство, что меня однажды спрашивали, кажется, при обыске, командовал ли я Дунайской флотилией, я должен сообщить следующее — на флоте были:

МИХАИЛ ВЫСОКОСОВ — кап<итан> 2 р<анга>, служил по канцелярии, не плавал,

МИХАИЛ ВЕСЕЛКИН — адмирал, командовал Дунайской флотилией, приходился родственником Столыпину, вот я думаю, откуда недоразумение, и настоящим заявлении я прошу считать установленным факт правдивости моих ответов.

Еще меня спрашивали, имею ли я сношения с границей, я ответил, что с начала революции и до сегодняшнего дня я не написал и не получил ни одного письма из границы, что же касается знакомых, то таковые, конечно, там найдутся, но где кто, что и как, кто жив и кто умер, где находятся, что делает и т<ак> д<алее> — ничего не знаю.

Описав то, что было, и получив в результате отрицательный ответ, а именно предписание покинуть Ленинград, мне кажется, что в моей судьбе происходит что-то странное; ведь если я лишен паспорта только потому, что я имел приводы, то это мне, кажется, не обоснованным; ведь если я все три раза выходил совершенно обеленным, то недопустимо карать меня в четвертый раз только за то, что я напрасно уже претерпел три раза. Мне приходится думать, что в каком-нибудь моем досье значатся за мной какие-нибудь исключительные преступления, остающиеся для меня полным секретом; мне казалось бы, что мне обязаны их предъявить — я уверен, что рассею их самыми простыми ответами; я до сих считал, что соответствующие органы не могут иметь за мной никаких данных, препятствующих моему свободному проживанию, где бы то ни было; я, собственно, остаюсь при этом убеждении и теперь.

М. Высокосов.

ВЫСОКОСОВ, Михаил Павлович.
Ленинград, ул<ица> Халтурина, 23, кв. 1
тел<ефон> № 486-59
г<ород> Торжок, 1-я Садовая, 52
квартира Корсаковой.

Добавление

Комиссия Смольнинского района спрашивала меня, кто бы из ответственных работников мог дать сведения — отзыв о моей работе: я указал на бывш<его> председателя Арт<иллерийской> Секции т<оварища> Брежнева Н. Г. (партийный), с которым я тесно работал около 3 примерно лет; его спросили по телефону, и мне известно, что он дал хорошую аттестацию как о моей работе, так и обо мне лично, указав, что, по его мнению, меня не только нельзя выселять из Ленинграда, а наоборот, если бы я хотел сам уезжать, то меня следовало бы задержать, используя меня для продолжения той же работы.

Добавлю к этому, что сданные мною в институт перед отъездом из Ленинграда Арт<иллерийские> таблицы иностранных систем в

совершенно незаконченном виде были положены в шкаф, за отсутствием свободного персонала, столь перегруженного, очевидно, более важными занятиями.

М. Высокосов.

23. IV. 33.

г<ород> Торжок»⁵.

В 1934 — благодаря помощи Е. П. Пешковой Михаил Павлович и Александра Николаевна Высокосовы получили паспорта; Михаил Павлович вернулся в Ленинград. В марте 1935 — Михаил Павлович Высокосов выслан с женой, сыном Павлом и матерью жены, Дюбрель-Этапарт Надеждой Александровной, в Уфу на 5 лет.

23 мая 1935 — Михаил Павлович Высокосов обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<23 мая 1935>

«Позволяю себе, многоуважаемая Екатерина Павловна, попросить Вас ознакомиться с этим моим письмом, являющимся дополнением к моему офиц<иальному> заявлению.

Несмотря на тысячи проходящих через Вас имен, возможно, что мое осталось у вас в памяти, ибо уже два раза Ваше содействие освобождению меня — раз от изолированной жизни в Сибири в 1929 году и другой от беспаспортного состояния. В настоящее время вынужденный выезд из Ленинграда всего нашего семейства заставляет меня вновь просить Вашего участия.

Мне, как и в предыдущие оказии, всегда неловко как-то писать Вам, ибо я никогда не знаю, что я, в сущности, могу Вам сообщить о себе криминального, в чем собственно я должен оправдываться, с какой стороны я должен себя обелять. С другой стороны, трудно же верить, чтобы человек на шестом десятке подвергался бы в третий раз репрессии без того, чтобы он чем-нибудь ее не вызывал.

Результат Вашего первого вмешательства был: "разрешается свободное проживание по Союзу без всяких ограничений". Второе вмешательство окончилось выдачей паспорта, по которому я мирно прожил вплоть до предложения переселиться на 5 лет в Уфу, увлекши за собой жену-врача, ее мать в 70 лет и сына, машиниста, комсомольца 21 года.

Обстоятельства ареста банальны: обыск, три дня на Нижегородской, выпуск, явка на Шпалерную, назначение, и через пять дней выезд в Уфу.

Могу только указать, что при обыске были взяты из моей, запроданной уже "Международной книге" библиотеки, несколько книг, являвшихся плодом систематического подбора книг в течение многих лет по историческим и геральдическим отраслям книговедения. Взяли почему-то один том "Александр I", "Геральдика-Типольта", "Журнал Гербовед", "Альбом видов Павловска", "Гербовник по Тверской губернии" и еще, кажется, два каких-то подобных же издания.

Исключительно краткий допрос не вызывал затруднений: кого я имею знакомых с титулами и у кого бываю из моих товарищей по корпусу.

Не могу не указать на две удивившие меня фразы во время допроса, которые не были запротоколированы, но которые, может быть, имели влияние на судьбу всей нашей семьи. Мне было указано следователем, что ему точно известно о прекрасной служебной деятельности моей жены, известно о моем вполне добросовестном исполнении тех работ, которые я выполнял, и в связи с этим задался вопрос, так же ли добросовестно я

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1018. С. 122-124. Автограф.

служил в дореволюционный период? Я ответил, что, действительно, я и раньше служил добросовестно, и вот тогда мне было сказано с тоном явного упрека и осуждения: "Вот видите, Вы, значит, всегда хорошо служите".

Смею с полной уверенностью сказать, что я лично знаю исключительно полезных, честных, самоотверженных современных больших деятелей, которые, даю Вам слово, совершенно честно служили и работали при старом правительстве, и смею полагать, что наше теперешнее правительство ценит этих людей, не ставя им в вину их прежнюю честность.

Второй случай касается взятых книг. Подошедший их посмотреть, по-видимому, старший из следователей, сказал: "Ну, за такие книги можно лишних года три припаять". Я счел нужным на это ответить, что точно такие же экземпляры выставлены в любом книжном магазине на проспекте Володарского, а редкие экземпляры охотно покупает "Международная книга".

В дальнейшем при получении путевки на Уфу мне было указано, что высылка не является каким-либо ограничением в правах, что надо брать, не стесняясь, вещи, обстановку и т<ому> п<одобное>, что всем будет предоставляться возможность служить, и что текущий момент не удобен для проживания в Ленинграде лицам не пролетарского происхождения.

Действительность не совпала с тем, что нам говорилось, и мы являемся административно ссыльными.

Я убедительно прошу пересмотреть вопрос нашей высылки, восстановить нас в довысылочное наше свободное состояние.

М. Высоков.

Михаил Павлович Высоков.
Уфа, Рабкоровский проулок, 1.
23.V.1935 г<ода>»⁶.

В декабре — у всех членов семьи были отобраны паспорта представителем местного НКВД.

31 января 1936 — высылка Михаилу Павловичу была отменена, но он остался с семьей в Уфе, работал статистом в Башсортсети. 1 августа 1937 — арестован⁷, 14 декабря приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян⁸.

23 декабря 1937 — Александра Николаевна Высокова была арестована, в феврале 1938 — приговорена к 10 годам ИТЛ условно и отправлена из Уфы в Рыбинск, заведовала там лазаретом⁹.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1380. С. 73. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1549. С. 30; Д. 1662. С. 47.

⁸ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

⁹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.